

ВНУТРЕННИЙ КОНТУР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

О. Е. Ноянзина, Н. П. Гончарова, Г. С. Авдеева

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

***Аннотация.** Представлен анализ социологического исследования проблем воспроизводства социальных рисков национализма, экстремизма и ксенофобии. На основе данных по шести регионам Российской Федерации сделаны выводы о том, что экстремистские практики сегодня присутствуют практически во всех сферах общественной жизни и носят универсальный, неспецифический характер. Выявлено, что содержание таких показателей, как установки по отношению к представителям других национальностей, страх стать жертвой на почве национальной неприязни, ощущение враждебности, исходящей от представителей других национальностей, имеет региональную специфику.*

***Ключевые слова:** Социология, экстремизм, национализм, ксенофобия, безопасность, толерантность, интолерантность, межнациональный, конфликт, отношения.*

Согласно определению экстремизма, приведенному в Федеральном законе Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности», его «частными» проявлениями выступают такие негативные политические практики, как терроризм, национализм, расизм, отличительными чертами которых выступают наличие определенной идеологии и использование насилия. Это позволяет утверждать, что в настоящее время экстремистские тенденции представляют собой одну из существенных угроз внутренней и внешней безопасности России¹. Это подчеркнул и Президент Российской Федерации на расширенном заседании коллегии МВД России 6 февраля 2009 года, заявив что «экстремизм - это исключительно большая опасность, способная расшатать любое, даже самое стабильное и благополучное общество»².

¹ Лунев, В.В. Организованная преступность, уголовный терроризм в условиях глобализации [Текст] / В.В. Лунев // Социологические исследования. - 2002. - №5. - С. 60-67.

² Паин, Э.А. Ксенофобия и этнополитический экстремизм в России: о причинах неэффективности противодействия [Текст] / Э.А. Паин // Толерантность против ксенофобии / под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. - М., Academia, 2005б. - 112с. - С. 82 - 96.

³ Медведев, Д.А. Вступительное слово на расширенном заседании коллегии МВД России 6 февраля 2009 года

Экстремизм переводит неурегулированные государством межрелигиозные, межнациональные и межэтнические вопросы в политическую плоскость⁴. Таким образом, основная опасность распространения этнополитического экстремизма заключается в том, что он выступает фактором социальной дестабилизации, повышает уровень социальной напряженности, порождая в обществе недоверие и нетерпимость к различным этническим и религиозным группам⁵. Этнонациональный экстремизм направлен на утверждение господства коренной нации, отражает стремление титульных наций в национальных республиках получить преимущества перед некоренными жителями в политической и социальных сферах⁶. В условиях

[Электронный ресурс] / Д.А. Медведев. - Режим доступа: http://www.guvd.perm.ru/upload/others/Vystuplenije_Prezidenta_Rossijskoj_Federacii_Dmitrija_Medvedeva_na_rasshirennom_zasedanii_kollegii_MVD_Rossii.doc. - Загл. с экрана.

⁴ Осипов, А.Г. Нужно ли глотать сомнительное лекарство? Антирасизм как средство борьбы с расизмом [Текст] / А.Г. Осипов // Неприкосновенный запас. - 2009. - №1 (63). - С. 137-146.

⁵ Дробижева, Л.М. Социальные параметры межэтнической стабильности и напряженности [Текст] / Л.М. Дробижева, И.М. Кузнецов // Мир России. - 2000. - №4.

⁶ Тишков, В.А. Что есть Россия и российский народ [Текст]

многонационального государства это создает благоприятные условия для возникновения межэтнических конфликтов, активизации национальных движений, возникновения сепаратистских настроений. Вместе с тем, устойчивое развитие общества невозможно в условиях элиминации традиций взаимной открытости и солидарности, принципов толерантности, интернационализма, коллективизма, гражданственности^{7 8}. Характерно, что показатели этнической интолерантности в России увеличиваются с каждым годом⁹.

Исследователи также фиксируют феномен «привыкания общества к обыденности насилия»: в СМИ фиксируются лишь наиболее «яркие» экстремистские преступления¹⁰. В свою очередь, это стимулирует экстремистов на «показательные» акции с целью создания информационного повода. Все более распространенной также становится маскировка преступлений, совершенных по националистическим мотивам, под бытовые, что согласуется с тенденцией правоохранительных органов занижать статистику экстремистских правонарушений. В ответ на угрозу националистического насилия в условиях правовой незащищенности, бездействия правоохранительных органов возникают агрессивные группировки «потенциальных жертв», преимущественно состоящие из кавказской молодежи. Объединяющим фактором для этих групп служит не националистическая идеология, а «комплекс жертвы»; в целом они менее организованны, объектами их нападения часто становятся случайные люди, «похожие на скинхедов». Последнее обстоятельство также повышает рост расистского насилия в обществе¹¹.

/ В.А. Тишков // Pro et Contra. – 2007. - №3 (май — июнь). - С. 21-41.

⁷ Амирокова, Р.А. Политический экстремизм в современном политическом процессе России [Текст]: автореф. дис. канд. полит. наук: 23.00.02/ Р.А. Амирокова. – Черкесск, 2006.

⁸ Арутюнян, Ю.В. О потенциале межэтнической интеграции в московском мегаполисе [Текст]/ Ю.В. Арутюнян // Социологические исследования. - 2005. - №1. - С. 26-40.

⁹ Мукомель, В.И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) [Текст] / В.И. Мукомель // Социологические исследования. – 2005. - №2. –С. 56-66.

¹⁰ Иванов, Д.В. Эволюция концепции глобализации [Текст] / Д.В. Иванов //Телескоп. - 2002. - №5.

¹¹ Кожевникова, Г. В. Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2008 году [Электронный ресурс] / Г.В. Кожевникова. – 2009. – Режим доступа: //http://www.

Складывающаяся ситуация свидетельствует о том, что экстремистские тенденции активно проникают во все сферы общественной жизни. Использование авторитетными политическими лидерами националистических лозунгов встречает поддержку населения и способствует повышению имиджа экстремистов и дальнейшему распространению радикальных взглядов. Подобный эффект обусловлен также влиянием СМИ, общедоступностью и широкой представленностью националистических материалов в сети Интернет. Акты насилия в отношении представителей других национальностей повышают уровень социальной напряженности, ведут к расколу общества, нарастанию ксенофобии и конфликтности. В условиях всеобщей интолерантности экстремистские провокации вызывают ответные проявления насилия, актуализируют значимость этнической самоидентификации в противовес гражданскому самосознанию. Несовершенство законодательной базы, несогласованность деятельности различных ведомств, манипулирование экстремистскими группировками с политическими и экономическими целями обуславливают низкую эффективность борьбы с экстремизмом на фоне активизации радикальных националистических настроений.

В ноябре 2009 – феврале 2010 года исследовательским коллективом факультета социологии Алтайского государственного университета проведено комплексное социологическое исследование, одной из целей которого являлась оценка социального риска проявления девиаций в виде ксенофобии, экстремистских и националистических настроений среди населения России. Стратегия исследования базировалась на социально-экономическом обследовании домохозяйств шести регионов Российской Федерации (Алтайский край, Красноярский край, Ставропольский край, Новосибирская область, Калининградская область, Республика Бурятия). Выборка для данного обследования основывалась на выборке обследования бюджетов домохозяйств, проводимого Росстатом. В каждом из шести регионов выборочная совокупность составила 290 домохозяйств, количество членов домохозяйств в возрасте от 14 до 49 составило 700 человек (общая численность по шести регионам: **1740 домохозяйств, 4200 членов домохозяйств**).

Проблема межнациональных отношений является актуальной для всех рассматриваемых регионов. Риски возникновения межнациональных конфликтов и социальной нетерпимости могут быть изучены на основе показателей отношения населения к представителям других национальностей и лицам, осуществляющим деятельность экстремистской направленности.

При ответе на вопрос «*Какие чувства вы испытываете по отношению представителей других национальностей?*» чаще всего говорили о своих положительных чувствах к представителям других национальностей жители республики Бурятия (56,3% от всех респондентов в выборке по данному региону). Напротив, жители Калининградской и Новосибирской областей реже выбирали данный вариант ответа (в 19% и 18% случаев соответственно, значимость различий с показателями по бурятскому региону – 0,0001 согласно критерию Манна-Уитни). Жители указанных областей, а также Алтайского края наиболее часто определяли свои чувства как нейтральные. Следует учесть, что данный вариант ответа может использоваться респондентами для уклонения от выбора однозначно негативного в смысле социальной оценки ответа. Таким образом, высокий процент ответов такого рода свидетельствует о негативных чувствах, которые респонденты не хотят демонстрировать исследователям. Прямая оценка своего отношения к представителям другой национальности как негативного характера для Ставропольского края (24,3% от всех респондентов в выборке по данному региону) и Красноярского края (15,1%). Минимальная доля ответов такого рода отмечается в выборке по республике Бурятия (2,5%). В Алтайском крае, Новосибирской области и Ставропольском крае работающие респонденты достоверно чаще квалифицировали свои чувства к представителям других национальностей как положительные (уровень достоверности различий в интервале от 0,001 до 0,1 по критерию хи-квадрат). Таким образом, можно заключить, что неработающее население в этих регионах реже проявляет подобное отношение к лицам другой национальности.

Для всех регионов, за исключением Новосибирской области, характерна следующая особенность: женщины достоверно чаще мужчин отмечали, что относятся к представителям другой национальности положительно. В Алтайском крае, Красноярском крае, Калининградской области

чаще отвечали, что испытывают положительные чувства по отношению к представителям другой национальности, респонденты в возрасте старше 30 лет. Исключение составляет Ставропольский край: опрошенные этого региона в возрасте до 30 лет достоверно чаще отмечали свои положительные чувства к представителям другой национальности (хотя абсолютная разница в частоте ответов этих двух групп респондентов невелика – 50,9% и 47,6% соответственно).

Представляет интерес, что в Красноярском крае, Новосибирской области, республике Бурятия, Ставропольском крае городское население достоверно чаще отмечало, что испытывает положительные чувства к представителям другой национальности, нежели жители села. В выборках по Ставропольскому краю и Новосибирской области наблюдалась следующая тенденция: с повышением уровня образования респондента начиная со среднего профессионального образования, повышается вероятность положительного отношения к представителям другой национальности.

Значимые различия в отношении к представителям других национальностей были выявлены в ответах верующих и неверующих респондентов в Калининградской области, Новосибирской области, Бурятии и Ставропольском крае. Религиозные опрошенные существенно чаще давали ответ о положительном отношении к представителям другой национальности. Так, в Калининградской области из всех положительно относящихся к лицам иной национальности 90,2% - верующие и 9,8% - неверующие, в Ставропольском крае – 80,7% верующие и 12,4% неверующие, сходные результаты в Бурятии (88,1% и 11,9% соответственно) и Новосибирской области (77,2% и 22,8%). Очевидно, вера в Бога выступает значимым фактором толерантного отношения к тем, кто относится к иному этносу или нации. Показательно, что в Ставропольском крае респонденты, переживающие о размере своего заработка, достоверно реже испытывают к представителям другой национальности положительное отношение (78% и 63,6% соответственно, значимость различий 0,06). В Красноярском крае респонденты, опасаясь потерять работу, достоверно реже отвечали, что положительно относятся к лицам другой национальности (42,6% и 57,4% соответственно, значимость различий 0,041).

Опираясь на приведенные данные, можно заключить, что положительное отношение к

представителям другой национальности чаще испытывают женщины, лица старше 30 лет, лица со средним профессиональным или высшим образованием, занятые, религиозные, городские жители. Экономические угрозы, с которыми сталкиваются респонденты, снижают их потенциал толерантного отношения к «инаковости» представителей других национальностей. Напротив, высокий образовательный и культурный уровень выступает своего рода барьером, запрещающим проявлять негативные чувства к представителям другой национальности.

Стать жертвой нападения на почве национальной неприязни чаще жителей других регионов опасаются респонденты из Бурятии (43,3%) и Ставропольского края (49,8%). Замечательно различие этих данных в следующем ключе: в Ставропольском крае достоверно чаще опасаются стать жертвой нападения русские (78,1%), а в Бурятии – буряты (52,3%). Меньше всего опрошенных опасаются стать жертвой нападения на почве национальной неприязни жители Алтайского края (21,7% от всех ответов в данной подвыборке, достоверность различий с показателями по Бурятии и Ставрополю – 0,0001).

Опасение стать жертвой нападения по причине национальной неприязни оказалось связано с возрастом опрошенных лишь в случае Красноярского края. В данном регионе чаще опасались стать жертвой нападения респонденты в возрасте до 30 лет, чем те, кто относился к старшей возрастной группе (58% и 42% соответственно, значимость различий 0,03).

Любопытна зависимость страха стать жертвой нападения от образования опрошенных. Так, в Алтайском крае и Красноярском крае достоверно чаще опасаются стать жертвой подобного нападения респонденты с общим средним или средним профессиональным образованием (63,4% и 74,4% соответственно от всех ответов лиц с таким образованием в подвыборке регионов). Напротив, участники исследования с неполным и полным высшим образованием реже говорили о том, что испытывают данный страх (36,6% и 25,6% соответственно, значимость различий на уровне 0,05). Вероятно, это связано с тем, что высшее образование формирует навыки логического мышления и помогает опрошенным рационально оценивать актуальную ситуацию в регионе.

Напротив, в Ставропольском крае респонденты с уровнем образования ниже высшего в меньшей

степени опасаются, что они или их близкие могут стать жертвами нападения на почве межнациональной ненависти, чем опрошенные с высшим образованием (44,8% и 55,2%, значимость различий 0,01). Очевидно, в данном случае наблюдается обратная ситуация: жители с высшим образованием чаще видят объективно существующую опасность для личной безопасности, чем те, чей уровень образования ниже.

В Красноярском крае выявлена другая закономерность: респонденты, живущие в данном населенном пункте менее 5 лет, гораздо реже опасаются стать жертвой нападения по причине национальной неприязни, чем проживающие в нем более 5 лет (17,2% и 82,8%, значимость различий 0,01). Это говорит о том, что нападения в большей мере боятся «местные», а не «приезжие».

В Новосибирской области чаще опасаются стать жертвой нападения верующие, чем неверующие (85,3% и 14,7% соответственно, значимость различий 0,001). В Калининградской области и Ставропольском крае в большей мере опасаются нападений на почве национальной неприязни работающие респонденты, чем не занятые (53,7% и 55,8% - и 46,3% и 44,2% соответственно, значимость различий на уровне 0,05).

Во всех регионах достоверно чаще боялись стать жертвой нападения те, кто считает себя незащищенным от физических угроз. Интересно, что страх стать жертвой нападения националистов оказался не связанным с ответами респондентов на вопрос, какие проблемы в большей степени актуальны для его региона. Те, кто отметил в качестве значимых проблем региона терроризм, ухудшение отношений между людьми разных национальностей, рост преступности, падение нравственности, вовсе не оказался в большей мере подверженным страху нападения. Опыт дискриминации по национальному признаку также оказался незначимым.

Вероятно, формирование описываемой тревоги, страха обусловлено преимущественно психологическими факторами, прежде всего личной убежденностью в существовании данной угрозы, а также влиянием сообщений в СМИ. Важным фактором формирования данного страха является также экономическая незащищенность. Так, во всех регионах достоверно чаще опасались стать жертвой нападения на почве межнациональной ненависти те респонденты, которые беспокоились, что не смогут обеспечить себя всем необходимым

в ближайший год (уровень значимости различий в ответах опасующихся и не опасующихся обеспечить себя необходимым – в интервале от 0,06 до 0,0001). В Калининградской области достоверно чаще опасались стать жертвой подобного нападения респонденты, считавшие, что их доход ниже, чем у большинства населения (87,5% из всех опасавшихся в данной подвыборке, уровень значимости различий 0,02). В Ставропольском крае и Калининградской области опасались стать жертвой национальной неприязни почти исключительно те опрошенные, которые отметили, что в последнее время в обществе увеличилось количество угроз, опасностей в обществе (94,1% и 98,9% соответственно, значимость различий на уровне 0,01).

Таким образом, можно увидеть, что страх стать жертвой на почве национальной неприязни, имеет региональную специфику. В Новосибирской области страху стать жертвой нападения больше под-

В Калининградской области, Алтайском крае, Красноярском крае большая часть респондентов, отвечая на вопрос «*Чувствуете ли Вы в настоящее время враждебность к себе со стороны людей других национальностей?*», выбирала ответ «никогда» (Рис. 1). Данные различия в ответах оказались значимыми на уровне 0,01 – 0,0001 для указанных регионов.

Напротив, в Ставропольском крае и республике Бурятия большая часть опрошенных отметила, что ощущает данную враждебность с различной частотой. По Новосибирской области различия между респондентами, давшими отрицательный и положительный ответ на данный вопрос, не были достоверными. Преобладание негативных ответов на рассматриваемый вопрос в Алтайском крае и Калининградской области по сравнению с другими регионами статистически достоверно на уровне 0,999 согласно критерию Манна-Уитни.

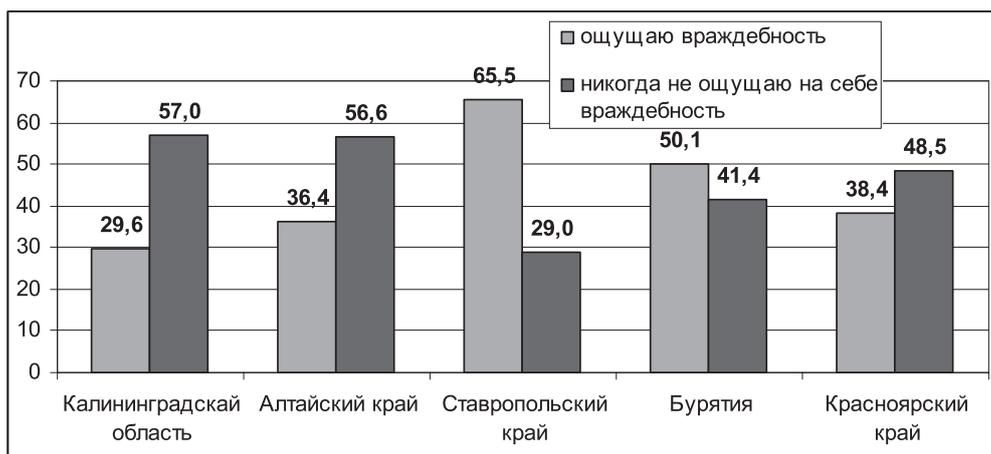

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «*Чувствуете ли Вы в настоящее время враждебность к себе со стороны людей других национальностей?*» в региональных выборках.

вержены горожане и верующие. В Алтайском крае – респонденты с уровнем образования ниже высшего. В Красноярском крае – респонденты с уровнем образования ниже высшего и «местные», живущие в данном населенном пункте более 5 лет, а также лица в возрасте до 30 лет. В Ставропольском крае – горожане, лица с высшим образованием, занятые. В Калининграде – занятое население, респонденты, оценивающие свой доход как более низкий, чем у большинства. В Бурятии – бурятское население, жители города. Страх стать жертвой нападения националистов не связан с оценкой криминальной ситуации, актуальности угрозы национализма и фашизма для региона. Большую роль в этом играет общее социально-экономическое неблагополучие населения и связанные с ним тревоги.

Кросстабуляции с другими переменными позволили выявить следующие закономерности. В Новосибирске и Бурятии достоверно чаще отвечали, что ощущают враждебность к себе со стороны представителей других национальностей, респонденты, проживающие в городах (98% и 62,7% соответственно, значимость различий в обоих случаях 0,0001). В Алтайском крае, Красноярском крае, Новосибирской области, Калининградской области мужское население чаще отмечало, что ощущает на

себе данную враждебность (показатели значимости на уровне 0,01 – 0,001).

В Калининградской области респонденты с уровнем образования ниже высшего чаще говорили об ощущении данной враждебности (69,8% и 30,2% соответственно из всех ощущавших враждебность со стороны представителей другой национальности в данной региональной подвыборке, значимость различий составила 0,05).

В Алтайском крае данную враждебность несколько чаще ощущали респонденты, имеющие детей (52,8% и 47,2% соответственно от всех ощущавших враждебность, значимость различий 0,006), а в Красноярском крае – не имеющие детей (52,2% от всех ощущавших враждебность со стороны лиц другой национальности, значимость различий 0,0001).

В Алтайском крае и Ставропольском крае чаще ощущали подобную враждебность к себе респонденты, у которых возникают мысли, что они достойны более высокого социального положения. Среди считавших таким образом в Алтайском крае оказалось 75,2% от всех, ощущавших на себе враждебность лиц другой национальности (значимость различий 0,05), а в Ставропольском крае – 73,2% (значимость различий 0,08).

Среди жителей Красноярского края, Калининградской области, Ставропольского края, отметивших, что ощущают данную враждебность, преобладали те, кто опасался, что не сможет обеспечить себя всем необходимым в ближайший год (соответственно 84,7%, 91,2% и 86% от числа всех ощущавших на себе враждебность представителей другой национальности в данных регионах, значимость различий на уровне 0,001).

В Калининградской области ощущало на себе враждебность со стороны представителей других национальностей преимущественно русское население (оно составило 89,1% от всех опрошенных в регионе, ощущавших данную враждебность, значимость различий на уровне 0,05 по критерию хи-квадрат). Сходная тенденция наблюдается в Бурятии, различия достоверны, но невелики (48,1% русских и 44,7% нерусских жителей ощущают враждебность представителей других национальностей, значимость различий равна 0,002).

В Красноярском крае чаще ощущают на себе враждебность со стороны представителей других национальностей респонденты в возрасте до 30 лет (составляют 54% от всех ощущающих враждебность в подвыборке региона, значимость различий ответов

с респондентами старше 30 лет – 0,09). В Бурятии, напротив, чаще ощущает враждебность лиц другой национальности население в возрасте старше 30 лет (53,1% и 46,9% соответственно, значимость различий 0,08).

В Новосибирской области и Ставропольском крае чаще отвечали, что ощущают враждебность со стороны представителей другой национальности респонденты, опасющиеся потерять работу (58,9% и 56,2% от числа всех опрошенных в данных регионах, опасющихся потерять место работы, значимость различий 0,001 и 0,005 соответственно).

В Алтайском крае и Ставропольском крае чаще говорили об ощущении враждебности лиц другой национальности те опрошенные, которые считали что их доход ниже, чем у большинства населения (значимость различий в обоих случаях на уровне 0,05).

Сопоставление ответов на вопросы «*Чувствуете ли Вы в настоящее время враждебность к себе со стороны людей других национальностей?*» и «*Какие чувства Вы испытываете к представителям другой национальности?*» показало, что в Алтайском крае, Калининградской области, Новосибирской области среди ощущающих на себе враждебность представителей других национальностей достоверно преобладают те, кто отвечал, что испытывает положительные чувства к ним. Выявленная установка довольно парадоксальна: сложно относиться к кому-то хорошо, ощущая с его стороны враждебность. Таким образом, можно предположить, что часть респондентов, которые в действительности негативно относятся к представителям другой национальности, давала социально желательные ответы на вопрос «*Какие чувства Вы испытываете к представителям другой национальности?*» – «положительные». С другой стороны, жители Красноярского края и Ставропольского края, среди которых наиболее часты были ответы о негативных чувствах к лицам другой национальности, преобладали среди тех, кто ощущал на себе их враждебность, что выглядит вполне логично (Рис. 2). Это говорит о том, что негативное отношение и восприятие враждебности тесно связаны. Таким образом, даже возможно ничем не обоснованное негативное отношение к другим может формировать ожидание враждебности с их стороны, проекция собственных негативных чувств на представителей другой национальности может, в свою очередь, провоцировать реальную враждебность тех, к кому проявляют плохое отношение.

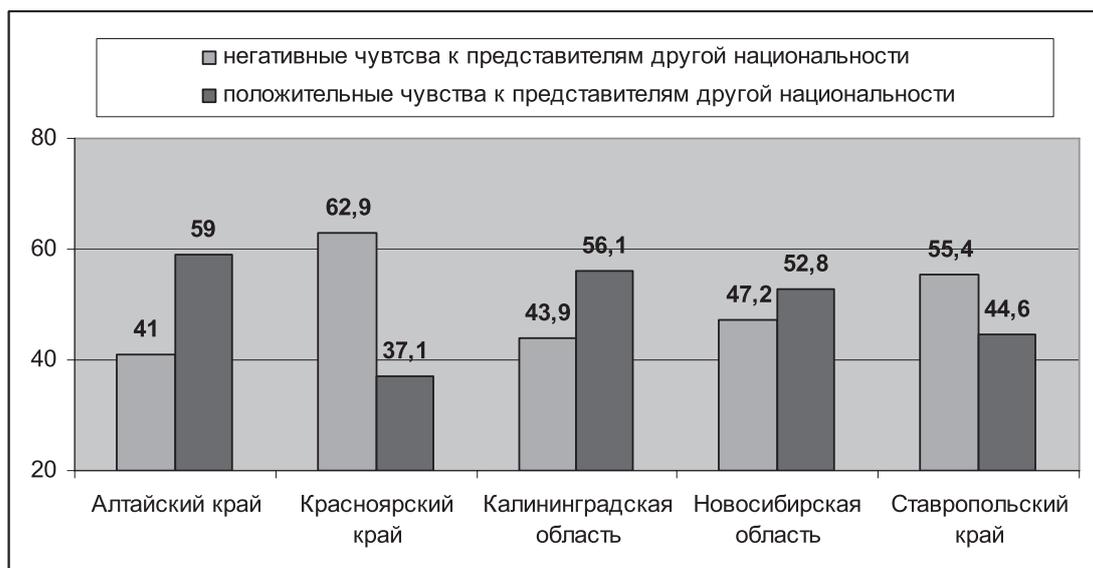

Рис. 2. Распределение утвердительных ответов на вопрос «Чувствуете ли Вы в настоящее время враждебность к себе со стороны людей других национальностей?» в зависимости от отношения респондентов к представителям другой национальности.

Подводя итог рассмотрению ответов респондентов на вопрос «Чувствуете ли Вы в настоящее время враждебность к себе со стороны людей других национальностей?», следует отметить такие особенности как зависимость ожидания враждебности со стороны других от типа поселения (чаще городские жители), пола респондентов (чаще мужчины), уровня образования (чаще – ниже высшего), национальности (русские), неудовлетворенность своим социальным положением, страх бедности, страх потери работы, статус безработного, самооценка своего дохода как более низкого, чем у большинства. Наконец, существует прямая взаимосвязь между негативным отношением к представителям другой национальности и восприятием враждебности с их стороны.

В Новосибирской области чаще ощущают враждебность со стороны представителей другой национальности горожане, мужское население, респонденты, опасющиеся потерять работу. В республике Бурятия – горожане, русские, респонденты в возрасте старше 30 лет. В Красноярском крае – мужчины, респонденты, не имеющие детей, опрошенные в возрасте до 30 лет, те, кто опасается невозможности обеспечить себя самым не-

обходимым в ближайшем будущем. В Алтайском крае чаще ощущают враждебность лиц другой национальности мужчины, респонденты, имеющие детей, длительный период времени безработные, оценивающие свой доход как более низкий, чем у большинства, считающие, что достойны более высокого социального положения.

В Калининградской области чаще чувствуют на себе враждебность со стороны представителей другой национальности мужчины, респонденты с уровнем образования ниже высшего, испытывающие страх невозможности обеспечить себя необходимым в ближайшее время, русские.

В Ставропольском крае чаще ощущают враждебность лиц другой национальности те, кто уверен, что достоин более высокого социального положения, испытывает страх необеспеченности, страх потери работы, считает, что его доход ниже, чем у большинства населения в этом регионе.

В общей массе утвердительных ответов об ощущении враждебности со стороны представителей других национальностей преобладают респонденты из Ставропольского края и Бурятии, далее следует Красноярский край.

Наиболее эффективной является диагностика ксенофобных настроений с помощью косвенных вопросов, поскольку это позволяет снизить влияние фактора социальной желательности. Ответы респондентов на вопрос «Как Вы относитесь к тем, кто испытывает неприязнь к представителям других национальностей?» распределились следующим образом.

Наиболее часто осуждали таких людей опрошенные в Бурятии (в 60,2% случаев). Напротив, самый низкий процент тех, кто осуждал негативное отношение к представителям других национальностей, был зарегистрирован среди респондентов Ставропольского края (33,8% осуждают негативное отношение к другим национальностям), Новосибирской области (31,2%) и Красноярского края (30,6%). Соответственно, в данных регионах отмечался наиболее высокий процент не осуждающих тех, кто относится к представителям других национальностей негативно (в Ставрополье 50,8%, в Новосибирской области 44,6%, в Красноярском крае 44,1%). Алтайский край занимает промежуточное положение в данном рейтинге (49,8% осуждающих и 37,4% не осуждающих). Самые низкие доли опрошенных, склонных не осуждать негативное отношение к лицам другой национальности, – в Бурятии (23,9%, значимость различий с данными по Ставрополью – 0,0001) и Калининградской области (25,5%).

различий на уровне 0,0001 для всех регионов) (Рис. 3).

В Новосибирской области и республике Бурятия среди осуждающих негативное отношение к представителям другой национальности преобладают горожане (88,5% и 62,1% соответственно от общего числа осуждающих данное отношение в регионе, значимость различий в обоих случаях 0,0001).

В Красноярском крае, Калининградской области, Новосибирской области мужчины достоверно реже женщин осуждали негативное отношение к людям другой национальности.

В Алтайском крае и Ставропольском крае среди осуждающих негативное отношение к представителям других национальностей преобладают респонденты, проживающие в своем населенном пункте более 5 лет (87,9% и 84,2% соответственно от всех осуждающих негативное отношение к другим национальностям в данных регионах, значимость различий по критерию хи-квадрат на уровне 0,001).

В Красноярском крае и Новосибирской области

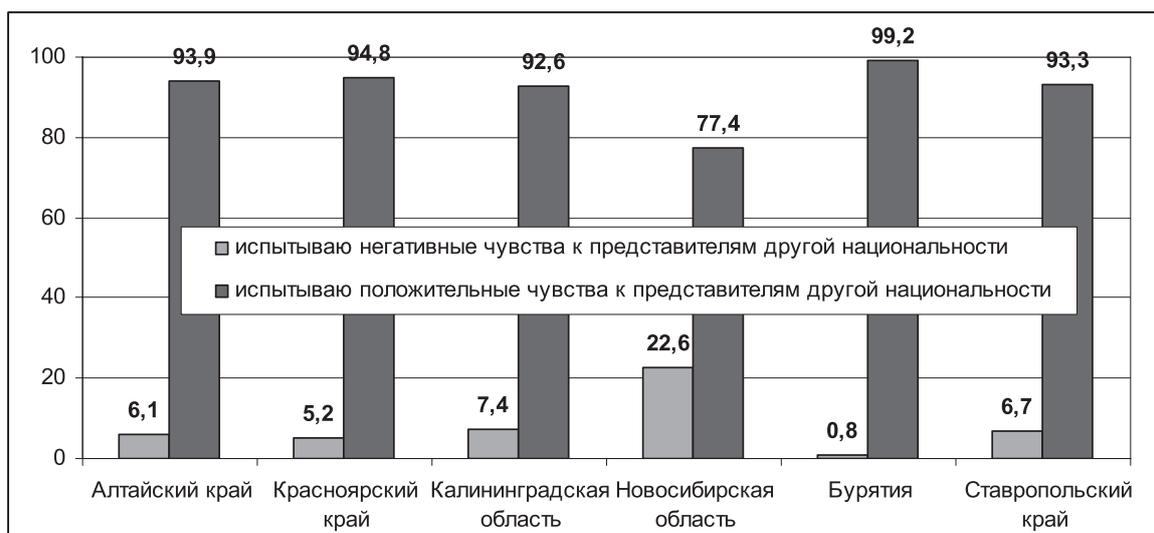

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к тем, кто испытывает неприязнь к представителям других национальностей?» («осуждаю такое отношение») в зависимости от отношения респондентов к представителям другой национальности.

Во всех регионах среди осуждающих негативное отношение к представителям другой национальности преобладают те, кто испытывает к ним положительные чувства (значимость

чаще осуждают негативное отношение к людям другой национальности верующие (82,3% и 84,2% соответственно от всех осуждающих негативное отношение к другим национальностям в данных регионах, значимость различий по критерию хи-квадрат на уровне 0,05 и 0,001).

Респонденты в возрасте старше 30 лет чаще осуждали негативное отношение к представителям других национальностей в Красноярском крае (58,1% и 41,5% от всех осуждающих соответственно, значимость различий ответов двух возрастных групп равна 0,035), Калининградской области (61,6% и

38,4%, значимость различий 0,02), Ставропольском крае (52,3% и 45,5%, значимость различий 0,0001).

В Калининградской области чаще осуждали негативное отношение к представителям других национальностей те респонденты, которые были удовлетворены своей жизнью в целом (66,9% от всех осуждавших негативное отношение, значимость различий с ответами неудовлетворенных своей жизнью – 0,01).

В Новосибирской области статистически чаще осуждали негативное отношение к людям других национальностей опрошенные с уровнем образования ниже высшего (58,8% от всех осуждавших негативное отношение, значимость различий с ответами респондентов с высшим образованием – 0,07). Напротив, в Бурятии в числе осуждавших негативное отношение к представителям другой национальности преобладали люди с высшим образованием (63,2%, значимость различий с ответами респондентов с более низким уровнем образования – 0,09).

Итак, наибольшее число респондентов, не осуждающих негативное отношение к представителям другой национальности, зарегистрировано в Ставропольском крае, Новосибирской области, Красноярском крае. Осуждение негативного отношения к людям другой национальности напрямую связано с положительным отношением к ним (во всех регионах), типом поселения (город), полом респондентов (чаще женщины), верой в Бога, возрастом (старше 30 лет), длительностью проживания в данном населенном пункте (более 5 лет), уровнем образования (в зависимости от региона). Таким образом, наиболее толерантны к проявлению негативного отношения к людям других национальностей жители села, молодежь, мужское население, респонденты, неудовлетворенные своей жизнью.

В Новосибирской области наиболее часто осуждали негативное отношение к другим национальностям горожане, женщины, верующие, опрошенные с уровнем образования ниже высшего. В Бурятии подобный ответ давали жители города, лица с высшим образованием. В Калининградской области чаще осуждали негативное отношение к представителям других национальностей женщины, респонденты в возрасте старше 30 лет, те, кто был удовлетворен своей жизнью в целом. В Алтайском крае осуждали негативное отношение к другим национальностям те, кто проживал в данном населенном пункте более 5 лет. В Ставрополье – кто проживал в данном

населенном пункте более 5 лет, респонденты в возрасте старше 30 лет. В Красноярском крае осуждали негативное отношение к представителям других национальностей женщины, верующие, респонденты в возрасте старше 30 лет.

При ответе на вопрос «Как Вы считаете, кто чаще виноват в возникновении противоречий, конфликтов между местными жителями и приезжими других национальностей в Вашем населенном пункте?» наиболее часто говорили об отсутствии таких конфликтов жители Калининградской области (31,2% от всех опрошенных в регионе), Алтайского края (24,7%), республики Бурятия (24,5%). Напротив, реже всего говорили об отсутствии таких конфликтов респонденты в Ставрополье (7,5%, значимость различий с данными по Бурятии – 0,0001 согласно критерию Манна-Уитни).

В существующих конфликтах приезжих винили чаще жители Ставропольского края (37,7%) и Новосибирской области (21,4%) и реже всего – в Бурятии (6,8%). В Бурятии и Алтайском крае опрошенные чаще были склонны обвинять в возникновении конфликтов на межнациональной почве местных жителей (10,7% и 8%, достоверность различий с данными по другим регионам равна 0,0001).

В Бурятии считали виновными в данных конфликтах местных жителей или местных жителей в равной степени с приезжими преимущественно опрошенные с высшим образованием (61,4% от всех давших такой ответ, значимость различий с ответами с респондентами с более низким уровнем образования 0,012).

В Ставропольском крае, Алтайском крае, Новосибирской области, Красноярском крае среди респондентов, считавших виновными в межнациональных конфликтах местных жителей или местных жителей в равной степени с приезжими преобладали жители городов. Таким образом, жители сел данных регионов были более склонны обвинять в конфликтах приезжих.

В Алтайском крае, Красноярском крае, республике Бурятия женщины достоверно чаще считали виновными в межнациональных конфликтах местных жителей или местных и приезжих в равной степени (значимость различий ответов мужчин и женщин составила 0,01).

В Новосибирской области, Бурятии, Ставропольском крае среди ответивших, что виновны в межнациональных конфликтах чаще местные жители или местные и приезжие в равной степени,

преобладало русское население (90,4%, 53,1%, 75,3% соответственно).

В Ставропольском крае чаще считали виновными в межнациональных конфликтах местных жителей респонденты в возрасте до 30 лет (54,4%), и 44,9% – жители региона в возрасте старше 30 лет (значимость различий 0,001). Интересно, что в Ставрополье также чаще обвиняли в межнациональных конфликтах местных жителей те опрошенные, которые жили в данном населенном пункте дольше 5 лет (89,1%), напротив, живущие в нем менее 5 лет были склонны обвинять приезжих (96,7%, значимость различий с проживающими в данной местности более 5 лет – 0,001).

В Красноярском крае местное население чаще обвиняли в межнациональных конфликтах верующие респонденты (такой ответ дали 79,6% из них, значимость различий с ответами неверующих 0,05).

В Ставропольском крае обвиняли в межнациональных конфликтах местных жителей или и местных и приезжих в равной степени преимущественно те респонденты, которые отметили, что их материальное положение за последний год улучшилось. Они составили 63,4% от всех опрошенных, считающих таким образом, тогда как доля лиц с ухудшившимся материальным положением среди давших данный ответ была равна 36,6% (значимость различий 0,05).

Итак, наиболее часто отмечали наличие конфликтов на межнациональной почве в их населенном пункте жители Ставропольского края (81,8% от всех опрошенных в регионе). Об отсутствии подобных конфликтов чаще говорили жители Калининградской области, Бурятии и Алтайского края. Жители Ставропольского края и Новосибирской области в большинстве случаев обвиняли в возникновении данных конфликтов приезжих, напротив, местных жителей в эскалации конфликтности обвиняли чаще респонденты в Алтайском крае и Бурятии.

Считали виноватыми в конфликтах местных жителей или и местных и приезжих в равной степени чаще жители городов, женщины, русские, верующие. Была выявлена и определенная региональная специфика. Так, в Бурятии чаще обвиняли местных жителей в инициации конфликтов опрошенные с высшим образованием, а в Ставрополье – респонденты в возрасте моложе 30 лет, те, кто проживал в своем населенном пункте больше 5 лет, а также

опрошенные, чье материальное положение за последний год улучшилось.

Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее склонны обвинять приезжих в возникающих на межнациональной почве конфликтах жители сел, мужчины, не верующие, лица с уровнем образования ниже высшего, испытывающие материальные трудности.

В полном соответствии с изложенными выше данными жители Алтайского края и республики Бурятия чаще отвечали, что за последний год в их населенном пункте количество конфликтов на межнациональной почве снизилось (так считали 15,4% и 14,9% респондентов в данных регионах). Напротив, по мнению более чем трети жителей Ставропольского края число данных конфликтов в их населенном пункте увеличилось за последний год (36%), реже всего рост числа указанных конфликтов отмечали в Алтайском крае (8,9% опрошенных) и Бурятии (8,9%, достоверность различий с данными по Ставрополью – 0,001).

Практически равные доли опрошенных во всех регионах (27,9% – 32%) ответили, что количество таких конфликтов в их населенном пункте не изменилось. Характерно, что во всех регионах, за исключением Ставропольского края, абсолютное большинство респондентов затруднилось дать ответ на вопрос «*Как Вы считаете, изменилось ли количество столкновений, конфликтов между местными жителями и приезжими других национальностей в Вашем населенном пункте за последний год?*» (Рис. 4).

На наш взгляд, это свидетельствует, во-первых, об отсутствии у респондентов доступной и достоверной информации о статистике подобных конфликтов в регионе, а во-вторых, об отсутствии у них непосредственного опыта столкновения с конфликтами такого рода. В данных условиях действительно сложно дать хотя бы относительно точный ответ о масштабах конфликтности на межнациональной почве в регионе.

В Алтайском крае и Калининградской области респонденты с высшим и неполным высшим образованием чаще указывали, что число конфликтов на межнациональной почве увеличилось, чем респонденты с более низким уровнем образования (значимость различий на уровне 0,01 и 0,05).

В Калининградской области среди респондентов, считавших, что число конфликтов на межнациональной почве в их населенном пункте за последний год

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, изменилось ли количество столкновений, конфликтов между местными жителями и приезжими других национальностей в Вашем населенном пункте за последний год?» в регионах.

увеличилось, преобладали те, кто отметил ухудшение материального положения своей семьи за последний год – 89% (доверительная вероятность различий в ответах опрошенных с разной оценкой материальной положения своей семьи составила 0,05).

В Алтайском крае чаще констатировали снижение частоты конфликтов на национальной почве те респонденты, которые отвечали, что положительно относятся к представителям другой национальности. Так, среди положительно относящихся к другим национальностям отмечали снижение числа межнациональных конфликтов 76% респондентов, а среди негативно относящихся – 24% (значимость различий 0,07).

Интересно, что в этом же регионе чаще отмечали рост числа межнациональных конфликтов те респонденты, которые не опасались стать жертвой нападения на почве национальной неприязни: их доля среди считающих, что межнациональных конфликтов в их населенном пункте стало больше составила 76%, тогда как опасаящиеся стать жертвой нападения отмечали рост конфликтности лишь в 24% случаев (значимость различий 0,032). Можно предположить, что эта тенденция обусловлена действием защитных психологических механизмов.

Итак, рост числа конфликтов между представителями разных национальностей чаще констатируют

жиители Ставропольского края, а наиболее редко – жители Бурятии и Алтайского края. Вместе с тем, подавляющее большинство респондентов не смогли дать какой-либо определенный ответ на данный вопрос. В Алтайском крае чаще отмечали увеличение числа данных конфликтов респонденты с высшим образованием, а среди тех, кто считал, что подобных конфликтных ситуаций стало меньше, преобладали положительно относящиеся к представителям других национальностей. В Калининградской области рост числа межнациональной конфликтности чаще отмечали опрошенные с высшим образованием, а также те, кто указал на ухудшение материального положения своей семьи за последний год.

Таким образом, мы можем наблюдать, что экстремистские практики сегодня присутствуют практически во всех сферах общественной жизни и носят универсальный, неспецифический характер, это позволяет говорить о комплексном характере рассматриваемой проблемы, её порождении системным кризисом российского общества в целом и росте социальной напряженности в обществе, приводящему к всплеску ксенофобии и национализма, который «подпитывается» систематической бытовой дискриминацией по национальному, религиозному, культурному и иным признакам.

Библиография

1. Лунев, В.В. Организованная преступность, уголовный терроризм в условиях глобализации [Текст] / В.В. Лунев // Социологические исследования. - 2002. - №5. - С. 60-67.
2. Паин, Э.А. Ксенофобия и этнополитический экстремизм в России: о причинах неэффективности противодействия [Текст] / Э.А. Паин // Толерантность против ксенофобии / под ред. В.И.Мукомеля и Э.А.Паина. – М., Academia, 2005б. – 112с. – С. 82 – 96.
3. Медведев, Д.А. Вступительное слово на расширенном заседании коллегии МВД России 6 февраля 2009 года [Электронный ресурс] / Д.А. Медведев. – 2009.- Режим доступа: http://www.guvd.perm.ru/upload/others/Vystuplenije_Prezidenta_Rossijskoj_Federacii_Dmitrija_Medvedeva_na_rasshirennom_zasedanii_kollegii_MVD_Rossii.doc. - Загл. с экрана.
4. Осипов, А.Г. Нужно ли глотать сомнительное лекарство? Антирасизм как средство борьбы с расизмом [Текст] / А.Г. Осипов // Неприкосновенный запас. – 2009. - №1 (63). – С. 137-146.
5. Дробижева, Л.М. Социальные параметры межэтнической стабильности и напряженности [Текст] /Л.М. Дробижева, И.М.Кузнецов// Мир России. – 2000. - №4.
6. Тишков, В.А. Что есть Россия и российский народ [Текст] / В.А. Тишков // Pro et Contra. – 2007. - №3 (май — июнь). - С. 21-41.
7. Амирокова, Р.А. Политический экстремизм в современном политическом процессе России [Текст]: автореф. дис. канд. полит. наук: 23.00.02/ Р.А. Амирокова. – Черкесск, 2006. -19с.
8. Арутюнян, Ю.В. О потенциале межэтнической интеграции в московском мегаполисе [Текст]/ Ю.В. Арутюнян // Социологические исследования. - 2005. - №1. - С. 26-40
9. Мукомель, В.И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) [Текст] / В.И. Мукомель // Социологические исследования. – 2005. - №2. –С. 56-66.
10. Иванов, Д.В. Эволюция концепции глобализации [Текст] / Д.В. Иванов //Телескоп. - 2002. - №5.
11. Кожевникова, Г. В. Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2008 году [Электронный ресурс] / Г.В. Кожевникова. – 2009. – Режим доступа: <http://www.deliagin.ru/others/5986.html>. – Загл. с экрана.

References (transliteration)

1. Lunev, V.V. Organizovannaya prestupnost', ugovolnyy terrorizm v usloviyakh globalizatsii [Tekst] / V.V. Lunev // Sotsiologicheskie issledovaniya. - 2002. - №5. -S. 60-67.
2. Pain, E.A. Ksenofobiya i etnopoliticheskiy ekstremizm v Rossii: o prichinakh neeffektivnosti protivodeystviya [Tekst] / E.A. Pain // Tolerantnost' protiv ksenofobii / pod red. V.I.Mukomelya i E.A.Paina. – M., Academia, 2005b. – 112s. – S. 82 – 96.
3. Medvedev, D.A. Vstupitel'noe slovo na rasshirennom zasedanii kolle-gii MVD Rossii 6 fevralya 2009 goda [Elektronnyy resurs] / D.A. Medvedev. – 2009.- Rezhim dostupa: http://www.guvd.perm.ru/upload/others/Vystuplenije_Prezidenta_Rossijskoj_Federacii_Dmitrija_Medvedeva_na_rasshirennom_zasedanii_kollegii_MVD_Rossii.doc. - Zagl. s ekrana.
4. Osipov, A.G. Nuzhno li glotat' somnitel'noe lekarstvo? Antirasizm kak sredstvo bor'by s rasizmom [Tekst] / A.G. Osipov // Neprikosnovenny zapas. – 2009. - №1 (63). – S. 137-146.
5. Drobizheva, L.M. Sotsial'nye parametry mezhetnicheskoy stabil'nosti i napryazhennosti [Tekst] /L.M. Drobizheva, I.M.Kuznetsov// Mir Rossii. – 2000. - №4.
6. Tishkov, V.A. Chto est' Rossiya i rossiyskiy narod [Tekst] / V.A. Tishkov // Pro et Contra. – 2007. - №3 (may — iyun'). - S. 21-41.
7. Amirokova, R.A. Politicheskiy ekstremizm v sovremennom politicheskom protsesse Rossii [Tekst]: avtoref. dis. kand. polit. nauk: 23.00.02/ R.A. Amirokova. – Cherkessk, 2006. -19s.
8. Arutyunyan, Yu.V. O potentsiale mezhetnicheskoy integratsii v moskovskom megapolise [Tekst]/ Yu.V. Arutyunyan // Sotsiologicheskie issledovaniya. - 2005. - №1. - S. 26-40
9. Mukomel', V.I. Grani intolerantnosti (migrantofobii, etnofobii) [Tekst] / V.I. Mukomel' // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2005. - №2. –S. 56-66.
10. Ivanov, D.V. Evolyutsiya kontseptsii globalizatsii [Tekst] / D.V. Ivanov //Teleskop. - 2002. - №5.
11. Kozhevnikova, G. V. Radikal'nyy natsionalizm v Rossii i protivodeystvie emu v 2008 godu [Elektronnyy resurs] / G.V. Kozhevnikova. – 2009. – Rezhim dostupa: <http://www.deliagin.ru/others/5986.html>. – Zagl. s ekrana.